

Старший научный сотрудник
исторического отдела
Псковского музея-заповедника
Сафронова М.Н.

Псковская губерния. №34 (556), 7 сентября – 13 сентября 2011

URL: http://gubernia.media/number_556/03.php

На пути к 1128-му дню войны

Прорыв немецкой обороны Пскова у ворот в Прибалтику шел долго и стоил очень дорого

Минувшим летом «Псковская губерния» начала публикацию цикла статей старшего научного сотрудника Псковского государственного музея-заповедника Марины Сафроновой об истории Пскова в период Великой Отечественной войны. Вышли в свет материалы о захвате города [1], о первых боях и обстоятельствах гибели бойца Красной Армии, останки которого в 1974 году были перенесены на площадь Победы в Пскове [2], о режиме оккупации города [3], о системе концлагерей в Пскове и окрестностях [4]. Настало время рассказать об окончании оккупации. События июля 1944 года на Псковщине достаточно хорошо освещены и в периодических изданиях, и в краеведческой литературе, но что предшествовало им? Есть целый ряд фактов, заслуживающих внимания и не ставших предметом массовых публикаций.

В самом начале войны группу немецких армий «Север» нельзя было назвать успешной – задача выйти к Ленинграду к двадцатым числам июля 1941 года ею так и не была решена. Эта задача не была выполнена во многом благодаря возраставшему с каждым днем сопротивлению частей Северо-Западного фронта Красной Армии еще на дальних подступах к Ленинграду. Части, отступавшие с боями через Псковщину к Ленинграду и к Новгороду, старались выиграть время на речных рубежах, на перекрестках дорог, у

населенных пунктов, и им это удавалось. Только на Лужском рубеже немецкие дивизии застряли на 40 дней.

«Север» особой важности

Но к концу лета 1941 года фронт группы армий «Север» стабилизировался – части группировки стояли у стен Ленинграда и Новгорода. Ленинград был окружен блокадным кольцом, но взят не был. Не оказались под немецким контролем, как планировалось, ни русский Север, ни Балтика. Первый командующий группы армий «Север» за это, в общем-то, и поплатился. Генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб, как не выполнивший в срок поставленные перед его группировкой задачи, 16 января 1942 года был смещен с должности и отправлен в отставку.

На посту командующего группировкой его сменил командующий 18-й армией генерал Георг фон Кюхлер, произведенный в фельдмаршалы за успехи зимой 1941-1942 года. Между тем потери группы армий «Север» уже к 1 октября 1941 года составили примерно 60 000 человек убитыми и ранеными.

К концу 1941 года линия фронта группы армий «Север» составляла 600 километров. Она проходила по линии Ораниенбаум – Ладога – Кириши – Новгород – Селигер. Здесь 28 немецких дивизий противостояли 75 дивизиям Красной Армии [5].

Линия фронта такой длины была не по силам войскам группировки, и фон Лееб не раз просил разрешения на отвод частей в целях выравнивания линии фронта. Но каждый раз немецкое верховное командование отвечало отказом, надеясь все-таки рано или поздно войти в Ленинград.

1942-1943 годы на северном участке Восточного фронта – период позиционной войны. За это время Красной Армии удалось провести несколько операций (под Демянском, Холмом, Погостьем, Киришами, Старой Руссой, на Ладоге), со второй попытки прорвать кольцо блокады к югу от Ладоги. Но в целом позиции, по сравнению с 1941 годом, кардинально не изменились.

В конце 1942 года осложнилось положение на южном участке Северного фронта – на стыке с группой армий «Центр». Войска Красной Армии вбили

клин между ними, освободив 17 января 1943 года Великие Луки. Развить январский успех не удалось и до осени 1943 года на этом участке наблюдалось некоторое затишье.

Осенью 1943 года, после взятия частями Калининского фронта Невеля, линия фронта группы армий «Север» увеличилась более чем на 50 километров – за счет передачи Невельского сектора, ранее относившегося к левому флангу группы армий «Центр». «Клин» между группами армий «Север» и «Юг» был «вбит» еще глубже.

Тем не менее, к концу 1943 года группа армий «Север» осталась единственным крупным войсковым соединением вермахта на Восточном фронте. Осенью 1943 года её положение, в основном, можно было назвать стабильным. Позиции, которых удалось достигнуть группировке к концу 1941 года, были, в основном, сохранены и в 1943 году (чего не удалось сделать другим армейским группам – «Центр» и «Юг»).

Исходя из стабильного состояния группы армий «Север», командование сухопутных войск вермахта перебрасывает во второй половине 1943 года из группы армий «Север» на другие направления 13 дивизий, в январе 1944 года – еще две. Тем самым к началу 1944 года Северный фронт был значительно ослаблен.

В группе армий «Север» к концу 1943 года насчитывалось 44 дивизии (601 000 солдат, 146 танков, 2389 орудий), которых было недостаточно для защиты фронта такой протяженности. В распоряжении фон Кюхлера не было ни одного танкового соединения.

Частям группы армий «Север» противостояли Ленинградский, Волховский фронты, часть Калининского фронта: 94 стрелковых, 25 танковых дивизий, 959 000 солдат, 1300 танков, 7360 орудий.

Глубоко эшелонированная «Пантера»

30 декабря 1943 года фон Кюхлер в ставке фюрера попросил разрешения отвести войска группировки на запад на оборонительный рубеж «Пантера». Этот маневр позволил бы сократить фронт более чем на сто километров. По

мнению Кюхлера, ему не составило бы труда удержаться на новых позициях, но Гитлер даже слушать не хотел об отступлении, которое, к тому же, могло повлиять на выход Финляндии из войны. От планов захвата Ленинграда немецкое командование отказываться тоже не собиралось.

Территория тылового района группы армий «Север» к этому времени уже была подготовлена к постепенному отводу частей с линии фронта на запад. Строились промежуточные рубежи, делалось всё для того, чтобы превратить тыловой район в территорию, где у партизан не будет никакой поддержки со стороны местного населения, не будет и населенных пунктов, которые партизаны могли бы использовать в качестве опорных баз.

При отходе группы армий «Север» на новые рубежи необходимо было обезопасить её тыл от партизан.

21 сентября 1943 года командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Север» генерал Г. К. фон Бот по указанию генерал-фельдмаршала фон Кюхлера издает приказ о принудительном выселении всех жителей оккупированных районов Ленинградской области. Стояла задача полностью очистить от сельского населения территорию между линией фронта, проходящей у Ленинграда, и оборонительным рубежом «Пантера».

Эвакуация, как отмечалось в приказе, должна быть проведена немедленно, «с использованием всех средств и возможностей». Население, подлежащее эвакуации, предполагалось использовать частично на строительстве «Пантеры», частично на других работах в оккупированных областях и на территории рейха (т. е. вывезти за пределы Псковщины).

Эвакуированные отправлялись колоннами по 1000 человек, в сопровождении конвоя службы охраны, продвигались пешком. Продовольствием (на две недели) эвакуированные должны были обеспечивать себя сами. К «рабочему составу» причислялись и эвакуированные дети в возрасте от 10 лет.

На эвакуацию деревни отводилось полчаса. Хлеб, скот, птицу населению запрещалось брать с собой. Всё это подлежало конфискации немецким командованием. После вывода населения деревни, как правило, сжигались. Принятые командованием группы армий «Север» меры должны были сделать безопасным отход немецких частей на новые позиции.

Командование Красной Армии планировало в начале 1944 года наступление в районе Ленинграда. Но успешного наступления под Ленинградом не было бы, если бы не успехи Красной Армии на правом фланге Северного фронта под Невелем. Стык с группой армий «Центр» в результате боев зимой 1943-1944 годов под Невелем, Новосokolьниками, Пустошкой был отодвинут в южном направлении на 65 километров. Ощутимыми были потери немецкой группировки в этой «позиционной» войне (только число заболевших и обмороженных составило около 600 000 человек, лишь 44% из них вернулись в строй).

Главным вопросом для руководства группы армий «Север» в начале 1944 года становится охрана тыла. Штабам тыловых районов было приказано с помощью строительных батальонов, «групп трудовой повинности», подразделений организации Тодта [6], военнопленных и вольнонаемных рабочих строить дополнительные позиции в тылу группировки, на путях отвода частей к новой линии фронта.

С декабря 1942 года на протяжении всего участка от Ленинграда до Невеля возникли разнообразные оборонительные позиции и опорные пункты.

В тыловом районе немецкой 16-й армии (от южного берега озера Ильмень до группы армий «Центр») в 1943 году готовились позиции в Дно (с мая), Порхове (с июня), Сольцах (с мая), Новосokolьниках (с апреля). Эти позиции должны быть построены к концу 1943 года.

На участке немецкой 18-й армии (от Ораниенбаума до озера Ильмень) позиции были оборудованы у Чудова (с декабря 1942 года), у Новгорода (с мая 1943 года), возле Мги (с сентября 1943 года), в районе Красный Бор – Грузино (с сентября 1943 года). Этому участку придавалось особое значение – позиции

готовились принять основной удар Красной Армии от Ленинграда и Новгорода в направлении на Псков.

На строительстве позиций были задействованы военнослужащие (организация Тодта) и вольнонаемные рабочие.

Основным опорным рубежом для группы армий «Север» была линия «Пантера». Она входила в состав т. н. Северного вала – оборонительной системы, протянувшейся от Балтийского до Черного моря. Общая глубина немецкой обороны под Ленинградом и Новгородом достигала 230-250 километров. В этой полосе все населенные пункты и важные узлы шоссейных и железных дорог были превращены в опорные пункты обороны.

Позиция «Пантера» проходила от впадения реки Нарвы в Финский залив через Нарву до северо-восточной оконечности Чудского озера, от юго-восточной оконечности Псковского озера дугой восточнее огибала Псков, протянулась вдоль реки Великой в юго-восточном направлении до озера Алё, далее до озера Большой Иван северо-восточнее Невеля. Самыми мощными оборонительными узлами «Пантеры» были Остров и Псков.

В декабре 1943 года при строительстве рубежа «Пантера» использовалось 15 000 военнослужащих строительных и саперных батальонов, 7000 человек подразделений организации Тодта и 24 000 гражданских лиц. К этому времени ими было построено 36,9 км противотанковых рвов, 38,9 км траншей полного профиля, 251,1 км проволочных заграждений и 1346 огневых точек (ДОТов и ДЗОТов).

«В ночь наша авиация будет бомбить Псков. Проследите за результатами»

Псков, как центр тылового района группы армий «Север», город со множеством объектов военного назначения, привлекал внимание советского командования. Здесь по прежнему размещался штаб группы армий «Север», штаб 18-й армии.

Командование группы армий «Север» и 18-й армии с октября 1943 года по февраль 1944 года находилось, в целях безопасности, в «замке на воде» (так

немцы называли Снетогорский монастырь) под Псковом, где был размещен командный узел связи.

Сведения о размещении немецких военных объектов в Пскове и окрестностях исходили и от агентурных разведчиков, направляемых в Псков, и от местного подполья.

В Пскове и Псковском районе весь период оккупации действовал Псковский подпольный центр. По заданию Ленинградского штаба партизанского движения подпольщики собирали сведения о составе и численности немецких гарнизонов [7], о расположении и строительстве военных объектов, о передвижении воинских эшелонов по железным дорогам.

Особое внимание уделялось аэродромам (в Пскове это – Кресты, где базировались 50-я отдельная авиагруппа и 9-я курьерская эскадрилья).

Как только в конце 1941 года фронт группы армий «Север» стабилизировался, Псков стал важным объектом для советской авиации. Александр Владимирович Иванов, переживший в Пскове всю оккупацию, вспоминал: «Налеты, как правило, были ночью. С первых же налетов мама заметила в моих и бабушкиных глазах страх и растерянность. Кругом и так было много страшного, а тут рождался новый страх. Чтобы как-то поддержать нас, да и себя, она приняла рискованное решение. Она сказала: «Наши в своих не попадут. В подвал не полезем». Установка «не лезть в подвал» соблюдалась в нашей семье в течение всего времени бомбежек. Скоро к бомбежкам мы привыкли, страха не испытывали. Только один раз, это было зимой 1943-44 гг., налет длился целую ночь, когда в доме были частично выбиты стекла и в стены ввязли несколько осколков, мы спустились в подвал» [8].

В воспоминаниях члена Псковского подпольного центра [9] Виктора Абрамовича Акатова встречается описание бомбардировки Пскова советской авиацией 23 июля (ровно за год до освобождения! – Авт.) 1943 года: «Днем 22 июля 1943 года наш радист принял телеграмму-приказ: «В ночь наша авиация будет бомбить Псков. Проследите за результатами». Времени было мало, а

идти до Пскова не близко. К вечеру с тремя товарищами мы вышли к месту действия.

Когда мы шли Крыпецкими болотами, над Псковом запылало. Длинными гирляндами плыли осветительные бомбы. Гудело небо и глухо дрожала земля. Фашисты взметнули ввысь десятки лучей прожекторов, но скоро они потухли. Зенитные батареи начали бешеную стрельбу трассирующими снарядами, но это сопротивление было подавлено. Около двух часов в небе плыли караваны осветительных ракет. На рассвете наши разведчики уже были в городе. И первое, что смутило наших посыльных, было то, что ...немцев в городе не было. Оказывается, как только начался налет нашей авиации, гитлеровские завоеватели трусливо улепетнули из города.

Первыми драпали чины на автомобилях, за ними – рангом ниже на лошадях, а следом – все прочие, без всякого транспорта, в сапогах и даже без оных... Все мы были поражены тем, что в жилых кварталах города не было обнаружено ни одного взрыва, не было ни одной бомбы.

Советские летчики били точно – по аэродромам в Крестах и у дер. Яхонтово, в районе вокзала, по военным городкам на Завеличье, Корытово и в Промежицах. На путях станции было разбито семь эшелонов с грузом, техникой и солдатами. На аэродромах уничтожено много самолетов и горючего, разбиты склады и ремонтные мастерские, нанесены потери в живой силе. Погром был внушительным. В час дня к нам поступили первые сведения, а в 5 часов дня была составлена и передана радиограмма с подробностями воздушного удара.

С большим волнением в этот день мы ждали последних известий. А когда передавали сводку Информбюро, наш радист Павел Тихонов в кустах у хутора Загустенье плясал с наушниками на голове: «Товарищи! Слушайте! Наша телеграмма!» В последних известиях была передана наша телеграмма полностью. В конце сообщения были ещё подробности разгрома фашистов у станции Черёха. Кто-то хорошо и четко работал рядом с нами.

Ну, конечно, об итогах воздушного удара по фашистам нужно [было] выпустить подпольную газету, и газета вышла. Появление этой газеты в городе было явным доказательством того, что издательство находится в городе» [10].

В январе 1944 года произошла очередная смена командующего группой армий «Север». На смену осторожному фон Кюхлеру пришел жесткий и энергичный генерал-полковник Вальтер Модель, «лев обороны», как его называли сослуживцы. Формально смена произошла 8-9 января, как раз накануне начала советского наступления под Ленинградом. Фактически пост был сдан уже в ходе операции, спустя двадцать дней.

Ленинградско-Новгородская наступательная операция войск Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов началась 14 января 1944 года. Целью операции был разгром группы армий «Север», полное снятие блокады Ленинграда, освобождение территории Ленинградской области от немецко-фашистских захватчиков, освобождение Прибалтики.

В операции были задействованы войска Ленинградского фронта (командующий фронтом генерал армии Л. А. Говоров) – 2-я ударная, 42-я, 67-я армии, 13-я воздушная армия; Волховского фронта (командующий фронтом генерал армии К. А. Мерецков) – 8-я, 54-я, 59-я, 1-я ударная армии, 14-я воздушная армия; 2-го Прибалтийского фронта (командующий фронтом генерал армии М. М. Попов) – 1-я ударная, 10-я гвардейская армии, 15-я воздушная армия. Всего три фронта объединяли 1 млн. 252 тыс. человек, 20183 орудия и миномета, 1580 танков и самоходных установок (САУ). Было создано превосходство во всем над группой армий «Север».

В ходе операции советским командованием планировалось сначала нанести удар по 18-й армии на нарвском и псковском направлениях, затем по 16-й армии – на идрицком направлении.

К участию в операции привлекались партизаны, действовавшие в тылу группы армий «Север».

Уже через неделю после начала наступления противник вынужден был начать отход, левый фланг 18-й армии фактически был разбит. С большим трудом оборонялся правый фланг. Модель, изучив положение вещей, не забываясь об одобрении ставкой фюрера, отдал приказ об отводе частей группировки на лужские рубежи. Удержаться не было никакой возможности. Модель решил сохранить основу группировки, все-таки рассчитывая на возможность перехода в контрнаступление после передышки на промежуточном рубеже. Но передышки не было.

Отрывок из «Дневника боевых действий» группы армий «Север» за 14 февраля: «Южнее Луги возможность воссоздать прочную оборону практически отсутствует». Действительно, о какой обороне могла идти речь, когда в полках осталось по 200-400 человек, в батальонах – от 40 до 80.

Псков тоже готовили к обороне. В первую очередь, немецкому командованию необходимо было избавиться от местного населения.

4 февраля 1944 г. был издан приказ «Об эвакуации». Все население города подлежало насильственному выселению за его пределы как можно дальше. 11 тысяч псковичей было вывезено в Прибалтику и Германию, из них около трех тысяч погибло в пути. Многие жители города отказывались эвакуироваться, прятались по подвалам, на окраинах города.

Псковичка Ольга Павловна Гаврилова вспоминала о самом серьезном авианалете советской авиации на Псков, произошедшем 19 февраля 1944 года: «Сильно бомбили Псков... весь город был забит немецкими солдатами. Стояли прямо на улицах, много машин было на улице Советской, до самого моста. Налет начался в 6 часов вечера. ...Во время налета было побито много немецких войск, были разрушены дома, стоявшие на месте нынешней Октябрьской площади. После этого налета немцы стали выгонять всех жителей из города. Последние полгода оккупации жителей в Пскове почти не было. Было объявлено, что тех, кто не явится на базарную площадь для отправки в Германию, будут считать партизаном» [11].

О. П. Гаврилова с двумя детьми (12 и 6 лет) и подругой Женей Алексеевой скрывалась в подвале своего дома № 2 на улице Л. Поземского. В мае 1944 г. они были обнаружены немцами и отправлены в тюрьму. В тюрьме вначале часто допрашивали, через месяц стали привлекать к работам – отправляли пасти коров на берег Псковы. Удалось сбежать. Еще около месяца скрывались в канализационном люке возле фабрики «Шпагат». По ночам выходили в город. Искали в пустых домах еду. Опять были обнаружены, отправлены в сторону Печор. Женю увезли вместе с молодежью дальше на запад. Ольгу Павловну с детьми оставили на время в лагере в Изборске, дальше пешком отправили на запад. Опять удалось сбежать. А там уже и своих дождались.

Вера Александровна Пирожкова жила в Пскове с рождения (в 1921 г.) и в период немецкой оккупации. Работала переводчицей в земельном управлении. Из оккупированного Пскова бежала на Запад. Позже В. Пирожкова стала профессором политологии Мюнхенского университета. Её воспоминания об оккупированном Пскове вошли в книгу «Потерянное поколение» [12]. В Пскове отношение к этой книге, прямо скажем, неоднозначное. Есть в книге эпизод, связанный с первой (по мнению В. Пирожковой) бомбардировкой города советской авиацией.

«19 февраля 1944 года я была в бане... Вдруг раздались взрывы, свет погас, стекла вылетели, и морозный воздух ворвался в помещение (мороз был приблизительно 20 градусов)... Я быстро наощупь оделась, сошла вниз и хотела бежать домой. А жили мы тогда на Запсковье, так как в 1943 году немецкое командование, опасаясь сыпного тифа (хотя эпидемии, к счастью, не было), решило разделить жителей и немецких военных... Наша квартира оказалась на Запсковье.

Однако выйти на улицу было невозможно: все гремело и блистало, бомбы падали непрерывно повсюду. В нижнем этаже двухэтажной баньки собрались постепенно успокоившиеся посетители и стали ждать конца бомбардировки... Так мы и просидели пять часов. Это была первая страшная

бомбардировка советскими самолетами Пскова... Через пять часов все стихло... В квартире были выбиты все стекла... Снова началась бомбардировка, продолжавшаяся на этот раз около двух часов. Её мы переждали в подвале. Ночь прошла спокойно... На другой день в городе было так тихо... Я пошла посмотреть мосты: все были целы, хотя лед слева и справа был полностью изрыт бомбами; в мосты они не попали, что сохраняло возможность бегства».

В ночь на 19 февраля 1944 года силами 1-го гвардейского, 5-го, 6-го, 7-го авиакорпусов 13-й воздушной армии был совершен налет на Псковский железнодорожный узел. Сначала были сброшены осветительные бомбы, потом стали бомбить военные эшелоны на станции. Прямым попаданием была разбита гостиница, где размещались немецкие летчики. По некоторым сведениям, в центре города были разбиты Рыбные ряды.

После вывоза и вывода населения из Пскова в феврале 1944 года немецкие солдаты стали грабить дома, церкви. Так, по воспоминаниям Матвея Васильевича Шведенкова (хранятся и в государственном архиве, и в Псковском музее) ими вывозились иконы, была снята золоченая маковка со звонницы церкви Козьмы и Доминана с Примостья (звонница была разрушена еще в 1941 году при немецком наступлении).

Приказом по тылу группы армий «Север» «Об эвакуации» Псков фактически был отдан на разграбление. Из города активно стали вывозиться исторические, художественные ценности, оборудование псковских предприятий – всё, что немцам казалось ещё пригодным к использованию. Всё, что не получалось вывезти, уничтожалось на месте.

«Раны его жгут наши сердца»

В конце февраля 1944 года части Красной Армии вышли к «Пантере». Наступила передышка. Выдохлись и немецкие войска, и наши солдаты. Нашим бойцам пришлось вести наступление по болотисто-лесистой местности в непростых погодных условиях (в феврале 1944 года рано начались

оттепели, окопы и траншеи моментально заполнялись водой, а ночью температура опускалась до минус 15).

Потери в советских частях были огромными. Иногда от дивизии, которые от Ленинграда уже отходили неукomплектованными (вместо 8 тыс. человек было 2,5-3 тыс. бойцов) при подходе к «Пантере» оставалось 700-800 (а иногда, согласно военным донесениям, и до 130) боеспособного личного состав.

Снова началась позиционная война. Советское командование отдало приказ о прекращении наступления и переходе к «активной обороне». Передышка была использована для пополнения частей личным составом, отдыха, переформирования, разведок линии обороны, подготовки к её прорыву, организации подвоза, строительства коммуникаций.

В тылу частей Ленинградского и Волховского фронтов (с апреля 1944 года – 3-го Прибалтийского фронта) строились тренировочные городки, где возводились укрепления, подобные «Пантере». Личный состав, среди которых было много новобранцев, еще не «нюхавших пороха», отрабатывал на полигонах взятие укреплений. Командование понимало важность такой подготовки.

В районе Пскова «Пантера» была укреплена лучше других участков. Здесь на 1 км линии укреплений приходилось в среднем до 8 дотов и 12 дзотов. Это были минные противотанковые и противопехотные поля, заминированные еще осенью 1943 года, противотанковые рвы, ДЗОТы, ДОТы с бронеколпаками, встречались врытые в землю орудия и танки (с поврежденной ходовой частью).

Перед «Пантерой» части 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов стояли почти пять месяцев. Город Псков был виден нашим бойцам с многих участков фронта. Разведка, и наземная, и воздушная, приносила страшные сведения: Псков минируется противником, многие здания горят, население из города выселено.

Фронтные газеты 42-й, 376-й, 128-й стрелковых дивизий писали в эти дни:

«Псков горит! Раны его жгут наши сердца. Псков ждет своих освободителей».

«Перед нами старинный русский город, прославивший себя многовековой героической борьбой против немецких захватчиков. Псков – это последний оплот немцев на Ленинградской земле. Псков – это ворота в Прибалтику».

«Освободить Псков – это значит выволить из фашистской неволи тысячи советских граждан. Освободить Псков – это значит проложить путь Красной Армии в Прибалтику. Освободить Псков – это значит нанести врагу еще один серьезный удар. Дело чести воинов нашей армии – вырвать Псков из немецкой кабалы, вернуть его к счастливой советской жизни».

В частях политотделы проводили лекции, где личный состав знакомили с историей Пскова. На занятиях подчеркивалось, что во время боев в городе каждый боец должен помнить, какой это город, и, по возможности, стараться уберечь его памятники от разрушений.

За это время было предпринято несколько попыток прорыва «Пантеры» на разных участках. Наиболее успешными были прорывы в марте-апреле севернее Пскова у Жидилова Бора, в районе Соловьи – Стремутка (вклинились примерно на 6 км в оборону противника).

Все попытки прорывов сопровождались большими потерями. Севернее Пушкинских Гор – в районе Чертовой Горы – появился небольшой советский плацдарм на левом берегу Великой, т. н. Стрежневский плацдарм, размером всего шесть на два километра. Именно с этого плацдарма, по предложению Верховного Главнокомандующего, началась следующая операция – Псковско-Островская. Оперативная пауза продолжалась почти пять месяцев

В ходе обороны Пскова немецкими частями командующие группы армий «Север» менялись еще дважды. 31 марта 1944 года во главе группировки встал генерал-полковник Георг Линдеман (генерал-полковник В.

Модель после зимних боев 1944 года был произведен в фельдмаршалы и отбыл на другой участок фронта).

В первом же приказе Линдемана говорилось: «Итак, мы достигли линии, на которой мы должны на хорошо оборудованных позициях подготовиться к решающей обороне. Ни шагу назад – таков теперь наш лозунг. Я требую от вас, чтобы каждый до конца исполнил свой долг... Мы стоим в предполье родины. Каждый шаг назад принес бы в Германию войну в воздухе и на море...» [13].

Но и Линдеман был смещен с этого поста незадолго до начала боев за Псков. С 5 июля 1944 года обороной города руководил генерал-полковник Йоханнес Фриснер, первый его приказ гласил: «Сейчас вопрос стоит о жизни и смерти группы армий «Север». Все средства, все вспомогательные силы должны быть собраны воедино».

Й. Фриснер был смещен сразу после сдачи им Пскова.

Успех советских войск в Псковско-Островской операции был предопределен успехами южнее Псковщины – в Белоруссии. Успех операции «Багратион» заставил группу армий «Север» вначале по приказу командования перебросить свои две пехотные дивизии, две бригады штурмовых орудий группе армий «Центр», а потом, из опасения быть окруженной, постепенно отводить свои войска на следующий рубеж обороны, на территорию Прибалтики.

Командир 128-й стрелковой дивизии генерал-майор Д. А. Лукьянов докладывал командованию 3-го Прибалтийского фронта: «Псков был превращен противником в мощный узел сопротивления. В зданиях установлены пулеметные точки, в фундаментах домов оборудованы доты и дзоты. Улицы и большая часть домов заминированы, на перекрестках установлены фугасы. На шоссе Псков – Рига к деревьям были привязаны заряды с электрическими взрывателями...».

Псковско-Островская операция началась наступлением со Стрежневского плацдарма 17 июля 1944 года. В ходе операции были разгромлены и понесли потери 11 дивизий вермахта.

Основной удар наносился в стык между основными силами группы армий «Север» – 18-й и 16-й армиями. В первый день операции войска продвинулись на 40 км.

21 июля был взят Остров.

22 июля 1944 года войска 42-й армии 3-го Прибалтийского фронта после пяти месяцев активной обороны перешли в наступление на Псков. Основной удар наносили 128-я (командир – генерал-майор Д. А. Лукьянов) и 376-я стрелковые дивизии (командир – генерал-майор Н. А. Поляков).

128-я стрелковая дивизия вела наступление со стороны Березки, Горнево, Бердово, Черехи. 376-я стрелковая дивизия наступала от дд. Гора, Черняковицы на Ваулино, Овсище.

Наступление поддерживалось 14-й воздушной армией, инженерными, артиллерийскими и саперными частями.

Бои за город Псков продолжались 22-23 июля 1944 года.

Приведем здесь хронику освобождения Пскова.

22 июля 1944 года.

3.00. 533-й стрелковый полк 128-й стрелковой дивизии начал прорыв линии «Пантера» в районе Черёхи, Лажнево, Клишово, наступая на Промежицы.

4.40–5.00. Перешли в наступление 374-й стрелковый полк (со стороны Горнево, Бердово на Кресты), 741-й стрелковый полк (от Любятово).

6.00–6.45. Перешла в наступление 376-я стрелковая дивизия (в 6.00 1250-й стрелковый полк в направлении Гора – Абросово, в 6.30 1252-й стрелковый полк в направлении Верхние и Нижние Галковичи, Межниково, Дулетово, в 6.45 1248-й стрелковый полк в направлении Молгово, Абижа). 374-й и 741-й стрелковые полки 128-й стрелковой дивизии заняли Кресты, ст. Березка.

9.00–10.00. 533-й и 374-й стрелковые полки 128-й стрелковой дивизии очистили от противника восточный и центральный районы Пскова, вышли к реке Великой.

10.30. 741-й стрелковый полк наступал левым берегом реки Псковы, вышел на берег Великой к устью Псковы.

11.00–15.00. Переправа через Великую двух рот 374-го стрелкового полка в районе Покровской башни, бой за овладение плацдармом на Завеличье южнее Мирожского монастыря и за его удержание.

12.00–14.00. Все части 128-й стрелковой дивизии сосредоточились на правом берегу реки Великой (от устья реки Псковы до Промежиц): 741-й стрелковый полк – от устья Псковы до устья Мирожского монастыря, 374-й стрелковый полк – от устья Мирожского монастыря до железнодорожного моста, 533-й стрелковый полк – от железнодорожного моста до Промежиц. Полки 128-й стрелковой дивизии за 22 июля освободили 50 населенных пунктов. 376-я стрелковая дивизия освободила северный район Пскова, сосредоточилась на правом берегу Великой (от устья Псковы до устья Великой). Полки 376-й стрелковой дивизии с начала наступления освободили 69 населенных пунктов.

К 20.00 128-я стрелковая дивизия занимала рубеж: правый берег Великой от устья Псковы до Промежиц, две роты на плацдарме на левом берегу южнее Мирожского монастыря. 376-я стрелковая дивизия занимала рубеж: Муровицы, Хотицы, Алмазово. Производилось разминирование берега, подготовка переправочных средств.

21.30. На плацдарм на Завеличье переправились еще две роты 374-го стрелкового полка.

23 июля 1944 года.

3.00–4.00. 533-й, 374-й, 741-й стрелковые полки 128-й стрелковой дивизии форсировали реку Великую.

4.00. 1250-й стрелковый полк начал форсирование Великой (вниз по течению) от устья Псковы.

5.00–6.30. 1248-й, 1250-й, 1252-й стрелковые полки 376-й стрелковой дивизии форсировали Великую в северной части Пскова, до устья Великой.

6.30. Псков полностью очищен от войск противника.

Приказом Верховного Главнокомандующего семи частям и соединениям, отличившимся при освобождении Пскова, присвоено почетное наименование «Псковских»: 128-й стрелковой дивизии, 376-й стрелковой дивизии, 122-му армейскому минометному полку, 52-му гвардейскому тяжелому пушечному артиллерийскому дивизиону, 631-му зенитно-артиллерийскому полку, 85-му отдельному полку связи, 38-му отдельному моторизованному понтонно-мостовому батальону.

Согласно донесениям о безвозвратных потерях, при освобождении Пскова (за 22–23 июля 1944 года) потери убитыми в 128-й, 376-й стрелковых дивизиях и в частях 14-го укрепрайона составили 100 человек.

«Мы проехали почти что до собора, но не встретили ни одного гражданского человека»

Псков в первые дни после освобождения – это не город, это – пустыня [14].

Газета «Правда» 24 июля 1944 г. писала в передовице (без автора): «...Мы идем вместе с бойцами по улицам освобожденного Пскова... Улицы, стертые с лица земли, груды развалин, пепелища и лишь изредка уцелевшие дома, густо начиненные минами. Некоторые кварталы на первый взгляд кажутся уцелевшими. На деле же это только стены: внутри все взорвано. В руины превращены вокзал, гостиница, большинство жилых домов, театр, церкви, кирха, разграблены и уничтожены предприятия».

Точно такая же картина Пскова сразу после его освобождения зафиксирована в дневнике бойца спецгруппы 2-го Прибалтийского фронта, профессионального художника Корнелия Евгеньевича Орлова:

«22 июля 1944 года. Псков взят! Псков наш».

«23 июля 1944 года. Въезжаем в город, город еще горит, часто слышны взрывы. Это рвутся мины. Город сильно заминирован. Много мин рвутся сами

по себе – это фугаски замедленного действия. Город сильно пострадал. Все хорошие здания разрушены. Мы проехали почти что до собора, но не встретили ни одного гражданского человека. Город – мертвый. Народ весь угнан немцами с собой.

Жизнь возрождают – это наши солдаты начинают восстанавливать связь. А минеры разминируют улицы и дома. Мы проходим по некоторым домам, квартирам, все везде валяется, но основные ценности немец вывез все».

«24 июля 1944 года. За весь день я встретил двух человек, скрывавшихся в развалинах, теперь вышедших наружу, и одну кошку вечером».

«25 июля 1944 года. Мы встретили людей из концлагеря, который был сделан немцами в военном городке. 3 девушки да один мальчик, которые рассказали, какие они пережили трудности.

Вечером начинают появляться кошки, они как дикие, они при немцах не появлялись, немец их стрелял – тоже беспощадно, как людей».

«28 июля 1944 года. В Пскове изредка еще слышатся взрывы – это еще продолжают рваться уцелевшие мины. Сегодня не удалось сделать ни одного наброска из-за отсутствия времени».

18 рисунков Корнелия Орлова хранятся в Псковском музее-заповеднике.

Впечатления о Пскове этих двух дней можно найти и в немецкой фронтовой газете «Die Front» от 26 июля 1944 года: «Чудовищное зарево пожара над Плескау придает первой ночи отступления фантастический фон. Мост через Великую пехотинцами и саперам удается взорвать лишь в самую последнюю минуту, когда противник уже стоит на берегу... Они оставили после себя груды развалин».

Порыв бойцов Красной Армии при освобождении Пскова был столь мощным, что они практически без остановки, на одном дыхании, гнали противника до границы с Эстонией, не останавливаясь при пешем движении 21 километр.

Там, в районе деревни Печки, в 21.00 23 июля 1944 года эти бойцы, утром освободившие Псков, слушали приказ Верховного

Главнокомандующего об освобождении Пскова и объявлении благодарности отличившимся при этом воинским частям.

Так завершился для Пскова 1128-й день войны.

Марина САФРОНОВА, старший научный сотрудник исторического отдела Псковского государственного музея-заповедника, специально для «Псковской губернии»

1. См.: М. Сафронова. [Псков сорок первого](#) // «ПГ», № 26 (548) от 6-12 июля 2011 г.
2. См.: М. Сафронова. [Известное о Неизвестном Солдате](#) // «ПГ», № 28 (550) от 20-26 июля 2011 г.
3. См.: М. Сафронова. [Псков под немцами](#) // «ПГ», № 27 (549) от 13-19 июля 2011 г.
4. См.: М. Сафронова. [Псковлаг](#) // «ПГ», № 29 (551) от 27 июля – 9 августа 2011 г.
5. Штатное расписание дивизии немецкой армии составляло 10-12 тыс. чел., дивизии Красной Армии – 8 тыс. чел.
6. Военно–строительная организация рейхсминистра вооружения и боеприпасов Фрица Тодта (ОТ), которая была создана в 1933 г. и занималась восстановлением путей сообщения, мостов, строительных укреплений. С осени 1942 года – в составе вермахта. Ф. Тодт погиб в авиационной катастрофе под Растенбургом 8 февраля 1942, но организацию по-прежнему называли его именем.
7. Численность немецкого гарнизона в Пскове доходила, по некоторым данным, до 30-70 тысяч человек – при том, что численность мирного населения города в период оккупации, по переписи 1942 года, составляла около 30 тысяч человек, а до войны – 62 тыс. чел.
8. Детские воспоминания о войне псковича Александра Владимировича Иванова хранятся в Псковском музее.

9. В июле 1943 года Псковский подпольный центр находился в лесу, возле хутора Загустенья Тупицкого сельсовета Псковского района.
10. Виктор Абрамович Акатов (1904-1984), с 1941 по 1944 годы – член Псковского подпольного центра, до войны – второй секретарь Псковского РК КПСС, после войны – первый секретарь Псковского РК КПСС. Фонд В. А. Акатова хранится в Псковском музее-заповеднике (фонд 21555). Отрывок из воспоминаний В. А. Акатова публикуется впервые.
11. Отрывок из воспоминаний бывшего смотрителя Псковского государственного музея-заповедника О. П. Гавриловой (Хариной) публикуется впервые.
12. См.: В. Пирожкова. Потерянное поколение. Воспоминания о детстве и юности. Издательство журнала «Нева», 1998. 222 с.
13. Здесь и далее высказывания немецких военачальников даны по книге: Вернер Хаупт. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941-1944. Москва, Центрполиграф, 2005. Автор книги – офицер вермахта в годы Второй мировой войны.
14. На 23 июля 1944 года в Пскове в Псковской военной комендатуре зарегистрировались (по воспоминаниям С. М. Павлова) 143 человека мирных жителей, а по данным государственного архива Псковской области (ГАПО) – 115 человек. По данным ГАПО, на момент освобождения в Пскове уцелело 15% жилых зданий. В более поздних документах указывалось число 7%.